

А-Хуань фыркнула и высокомерно заявила:

— Ваше Величество отправила принцессу наблюдать за простолюдинами. Все документы передайте ей, она доставит их во дворец.

Начальник почтовой станции посмотрел на неё, затем на меня, всё ещё колеблясь. А-Хуань кивнула нескольким слугам, те подошли, с шумом прижали его к земле, и лишь после пинка он, дрожа, протянул записку. Я развернула её — там было всего два иероглифа: «Лю Лан». Отложив размышления о скрытом смысле, я с горечью подумала, как он унизил Ли Шэна. Взглянув на А-Хуань, я поняла: она уловила мою мысль. Воспользовавшись моим положением, она изрекла:

— Этот негодяй осмелился оскорбить принцессу. Наказать двадцатью ударами палкой.

Она намеренно старалась меня развеселить: рука на боку, глаза широко раскрыты — выглядело забавно. Увидев её гримасу, я невольно дрогнула уголком губ, но потом вздохнула и сказала слугам, уже искавшим палку:

— Ладно, достаточно.

Она не ожидала, что я пощажу этого человека, и повернулась ко мне. Я вышла, села на лошадь и уже тогда тихо промолвила:

— Не смотри на этих людей свысока. Обидишь — кто знает, что будет, если однажды окажешься в их руках?

Она пренебрежительно ответила:

— Я во дворце, он на станции. Какое это имеет ко мне отношение?

Я помолчала, но решила быть откровенной:

— В обычное время — никакого. Но если однажды... Ваше Величество поощрит доносы, то даже начальник станции или простолудин станет угрозой. Пустяк, но не стоит без нужды наживать врагов.

Я имела в виду не только его. А-Хуань, не имея чина, пользовалась моим доверием и ведала делами. Нрав у неё был не из покладистых, во дворце она наверняка кого-то задевала. Раньше это не имело значения, но теперь всё иначе. Матушка сместила наследного принца и укрепила власть, а отец, напротив, терял влияние день ото дня. Ли Жуй был молод, и даже получив трон, он бы уступил его матушке. А она, став правительницей и начав новую эру, неизбежно станет устранять противников. Судя по тому, что я знала о её действиях в ином времени, эпоха жестоких чиновников уже не за горами.

Я, конечно, не боялась. Если в том мире настоящая принцесса Тайпин дожила до конца, то и меня матушка вряд ли отвергнет. Но я тревожилась за А-Хуань.

Чем дольше мы были вместе, тем крепче становилась наша связь. Я ловила себя на том, что думаю о ней в каждом движении — и не только о её сиюминутных нуждах или настроении, но и о будущем, о её положении и судьбе.

Теперь я даже сожалела, что открыла ей свои чувства. Тогда, в пылу страсти, слова сорвались сами собой. Но, увидев Ли Шэна, я вдруг очнулась и поняла: А-Хуань оказалась в крайней

опасности. Матушка, конечно, любила меня, но именно поэтому она едва ли потерпит возле меня такой «соблазн».

Раньше я тешила себя надеждой: стану умолять — и матушка смягчится, пощадит А-Хуань. Теперь же, оглядываясь, понимала: матушка была безжалостна даже к своему первенцу, что уж говорить о слезах младшей дочери.

В те дни много толковали о смерти госпожи Чжао. Кто-то говорил, что её забили палками, сломав кости, кто-то — что уморили голодом, а кто-то — что она умерла от выкидыша. Как бы то ни было, кончина её была ужасна. Если матушка могла быть так жестока к собственной беременной невестке, что говорить о женщине, которая даже не была ей «невесткой»? Даже если я стану умолять, матушка лишь разгневается пуще. А чем сильнее гнев, тем страшнее будет участь А-Хуань.

От одной мысли об этом меня била дрожь. И самое горькое — сейчас я могла лишь советовать ей быть сдержаннее и осторожнее. Больше я ничего не могла.

А-Хуань молчала, сидя в седле. На ней была алая юбка и светлая блуза — наряд прекрасно гармонировал с яркой осенью. Под ней — вороной жеребец, лучший из императорских конюшен, достойный её статуса.

У других эта лошадь норвила, ленилась или капризничала, но под А-Хуань всегда была послушной и мягкой. Смотрите, даже конь чувствовал, как хороша моя А-Хуань, и не смел её обидеть. Как же я могла допустить, чтобы она оказалась в опасности?

— А-Хуань, — наконец позвала я, и в тот же миг она произнесла:

— Сыцзы.

Я вздрогнула, оглянулась. К счастью, мы с А-Хуань ехали впереди, а свита отстала на несколько шагов. Я с упрёком посмотрела на неё:

— Обычно ты так осторожна, почему вдруг стала небрежна?

Она взглянула на меня, слегка двинулась, и её конь приблизился, оказавшись на полголовы впереди. Взгляд её устремился вдаль, словно она разглядывала что-то на горизонте. Голос прозвучал тихо, так что я едва расслышала:

— Просто захотелось тебя так назвать.

Мне стало и горько, и сладко. Я тоже тихо позвала:

— А-Хуань.

Позвав, добавила:

— Впредь... не делай так, хорошо?

Она не ответила, лишь подняла хлыст и с лёгкой усмешкой предложила:

— Эрнян, осмелишься посоревноваться, кто первым доскачет до ворот Шанъяна?

Я открыла рот, но через мгновение промолвила:

— Нет, давай просто поедем. Мне нужно с тобой поговорить.

Улыбка сошло с её лица. Она опустила голову:

— А если я не хочу слушать?

Я хотела возразить, но она резко повернулась и бросила на меня взгляд — с моей точки зрения, он был... острым.

— Ли Тайпин, — произнесла она, не обращая внимания на свиту, — я не безрассудна. Соглашаясь тогда, я уже знала о последствиях и была готова рискнуть. А ты... — она подняла подбородок, и взгляд её стал не столько острым, сколько решительным. — Ты первая начала, а теперь вдруг передумала. Что это значит?

****Маленькая сценка:****

Тайпин: Ах, моя А-Хуань так хороша, что даже лошадь не хочет её обижать.

Вэй Хуань: Да. (с улыбкой)

Лошадь: Господи, ну и глупость...

Вэй Хуань (косится): М-м? (похлопывает хлыстом)

Лошадь: ...

Тайпин: Ах, в А-Хуань действительно собрано всё прекрасное в мире... Даже к лошади она и строга, и добра...

Лошадь: Какая усталость...

Всю обратную дорогу А-Хуань молчала.

У ворот дворца мне нужно было в Чертог Сяньцзюй — отчитаться перед матушкой. Я хотела, чтобы она осталась со мной, но та, словно не замечая, ушла вперёд с несколькими служанками.

Пришлось идти одной. В Чертоге сказали, что матушка принимает чиновников из областей и уездов, и велели прийти после полудня. Я медленно побрела в свои покои, думая об А-Хуань, но, войдя, не нашла её. Спросив служанок, услышала:

— Госпожа Вэй сказала, что ей нездоровится, и попросила у госпожи Сун разрешения отдохнуть.

Тогда я поняла: я действительно ранила её. Во дворце даже наказанный слуга не смел уйти без дозволения хозяйки. А-Хуань всегда тщательно соблюдала формальности, и сегодняшний поступок был из ряда вон.

Я хотела сразу найти её и как следует извиниться, но побоялась: Шанъян — не мои покои, народ здесь разный, неизвестно, кто друг, кто нет. Притворилась, что устала с утра и хочу вздремнуть, отослала всех, велела Сяньсянь сторожить у двери, а сама вылезла в окно.

Делала я это не впервые, да и одета была сегодня в удобный мужской наряд. Вскоре я выбралась из покоев, миновала стражу и подкралась к жилищу А-Хуань.

Дворец Шанъян и дворец Лоян, хоть и близко, различались убранством. Дворец Лоян был величественным и просторным, но из-за обилия построек и людей жилья не хватало — даже почтенные служители редко имели отдельные комнаты. Здесь же рожи были густы, стены невысоки, постройки скромны, зато дворы просторны, и в каждом помещалось с десяток комнат.

У отца не было наложниц, и обширный Шанъян пустовал, так что мне отвели огромный двор. Ближние слуги жили в отдельных комнатах, а А-Хань достались аж три смежные.

Пригнувшись, я подобралась к окну, заглянула внутрь и, убедившись, что кроме А-Хуань никого нет, позвала:

— А-Хуань.

Когда она в недоумении подошла и выглянула, я добавила:

— Я здесь.

Прижавшись к стене, поманила её рукой. Увидев меня, она нахмурилась и стала закрывать окно.

<http://bllate.org/book/16278/1466729>